АНО

Вл. Максим

Ein „Genosse“ „Пров

Skizze von Eugen Tschirikow

Рик
4

Евгеній Чириковъ

„Товарищъ“

Очеркъ

STUTTGART
Verlag von J. H. W. Dietz Nachfolger
1906

Право собственности внѣ Россіи закрѣплено за авторомъ
во всѣхъ странахъ —
гдѣ это допускается существующими законами.

Alle Rechte vorbehalten,
insbesondere das Uebersetzungsrecht in fremde
Sprachen.

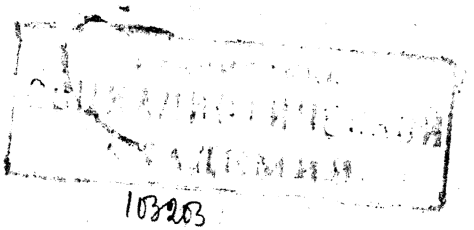
DRUCK VON ROSENTHAL & CO, BERLIN SO. 16,
Runge-Strasse 20.

ЕВГЕНІЙ ЧИРИКОВЪ

„ТОВАРИЩЪ“

„Пров 49“

2 шк
4



Люди, какъ ночныя бабочки — на огонь, летѣли со всѣхъ сторонъ на грубо сдѣланное чучело свободы и попадали въ тюрьмы . . .

Въ это удивительное время тюремные замки были похожи на звѣринцы, куда собираютъ всѣ породы звѣрей со всѣхъ частей свѣта, и потому въ глухихъ стѣнахъ этихъ каменныхъ мѣшковъ въ эту пору великое и прекрасное человѣческой жизни перемѣшивалось съ ничтожнымъ и пошлымъ, трагическое съ комическимъ . . .

Вмѣстѣ съ вдохновенными борцами и апостолами новой жизни въ тюрьмы попадали маленькіе человѣчки, вмѣстѣ съ орлами — домашніе гуси и курицы, вздумавшіе полетать по-орлиному . . . Тюрьмы напоминали миніатюрные города: сидѣли въ нихъ люди всѣхъ сословій, званій и профессій, мужчины, женщины и дѣти . . .

Въ этомъ отношеніи N-ской тюрьмѣ особенно посчастливилось: тамъ, кромѣ обычныхъ жителей — „завсегдатаевъ“: рабочихъ, учащихся и нелегальныхъ, сидѣли: адвокатъ, двѣ акушерки, солдатъ, священникъ, четыре зубныхъ врача, гимназистъ, двѣ телефонныя барышни, парикмахеръ, инженеръ, нѣсколько почтовыхъ чиновниковъ, редакторъ газеты, докторъ медицины и докторъ философіи . . . Изъ рѣдкихъ экземпляровъ имѣлись: отставной генералъ и грудной младенецъ . . .

Чтобы не портить репутаціи двухъ послѣднихъ и не потерять, читатель, твоего довѣрія, я спѣшу пояснить: отставной дѣйствительный статскій совѣтникъ былъ проѣздомъ въ городѣ, гдѣ его застигла желѣзнодорожная забастовка, и очень скучалъ; однажды, прохаживаясь отъ нечего дѣлать по улицамъ, онъ наткнулся

на уличную процессію съ краснымъ флагомъ и пошелъ за ней, совершенно машинально подпѣвая на французскомъ языкѣ русской Марсельезѣ; въ ту-же ночь въ меблированныхъ комнатахъ „Пальмира“, гдѣ помѣстился, пережидая забастовку, дѣйствительный статскій совѣтникъ, былъ сдѣланъ обыскъ и нѣсколько человѣкъ были арестованы и увезены въ тюремный замокъ; въ числѣ арестованныхъ оказался и дѣйствительный статскій совѣтникъ . . . Что касается грудного младенца, то онъ пока еще только сосалъ грудь у политической преступницы и потому раздѣлялъ участь матери . . .

Орлы сидѣли въ четырехъ круглыхъ башняхъ, возвышавшихся по четыремъ угламъ тюремнаго зданія, а преступники средняго и малаго калибра — въ одиночныхъ камерахъ верхняго яруса . . . Тюрьма была большая и въ обыкновенное время тамъ всегда имѣлось достаточное количество вакансій, но теперь было тѣсновато, потому что каждую ночь гулко стучала кованная дверь и топотъ многочисленныхъ ногъ, сопровождаемый лязгомъ ключей и засововъ, давалъ знать о новой партіи политическихъ преступниковъ.

Смотритель тюрьмы, добродушный старикъ съ свирѣпымъ выраженіемъ военнаго лица, жалобно говорилъ кому-то по телефону:

— Положительно некуда! . .

Но потомъ почтительно сгибался передъ телефоннымъ аппаратомъ, покорно говорилъ „слушаюсь“ и шелъ приготовлять мѣста, которыя потребуются въ ближайшую ночь.

— Съ одной стороны требуютъ изолировать, а съ другой . . . Одиночныя камеры всѣ заняты . . . Куда хочешь, туда и сажай! . . Хоть къ себѣ въ спальню! . . Право! — ворчалъ смотритель.

Какъ любезный и заботливый хозяинъ гостиницы для пріѣзжающихъ, смотритель хлопоталъ, суетился, размѣщалъ и устраивалъ своихъ квартирантовъ . . . А

квартиранты, большинству которыхъ приходилось впервые знакомиться съ тюремной жизнью, были нервны, прихотливы и наивны, — засыпали жалобами и претензіями: одинъ не могъ спать при свѣтѣ, другой просилъ загородить парашку ширмами, третій требовалъ разрѣшенія играть на скрипкѣ.

— Что-же у меня, Пале-рояль, что-ли? Вы въ тюрьмѣ, господа, не забывайте этого! . .

Тюрьма переполнилась, а приливъ новыхъ преступниковъ не прекращался.

— Я вынужденъ сажать по-двое! — говорилъ смотритель въ телефонъ.

— Сажайте по-двое! Чортъ съ ними! — отвѣчалъ сердитый голосъ.

Смотритель входилъ въ камеру одинокаго узника и говорилъ очень ласково:

— Вы — одни?

— Вы еще спросите: „дома-ли я“! . . Странный вопросъ! . .

— Вы, если не ошибаюсь, докторъ?

— Врачъ.

— Вотъ и отлично! — радостно восклицалъ смотритель и окончательно сердилъ этимъ одинокаго узника:

— Что-же тутъ отличнаго? Чему вы такъ обрадовались? . .

— Позвольте, не сердитесь! . . Посадилъ вѣдь васъ не я . . . ласково успокаивалъ смотритель. — У меня есть вамъ товарищъ, тоже врачъ, хотя я долженъ сказать, что онъ врачъ зубной . . . Вдвоемъ вамъ будетъ повеселѣе . . . Вотъ именно въ виду этого я и сказалъ „отлично!“ а не то, чтобы съ намѣреніемъ какимъ-нибудь . . . Противъ зубного вы ничего не имѣете? . . А то другіе есть, желающіе . . . Многіе тяготятся одиночествомъ . . .

Необычайный составъ политическихъ преступниковъ выбылъ изъ колеи стараго служаку. Только учащихся, рабочихъ и нелегальныхъ онъ считалъ настоящими преступниками и съ ними онъ отлично умѣлъ держаться: сухо, корректно и начальственно.

— У меня такой порядокъ — внушительно объявлялъ онъ такимъ арестантамъ, водворяя ихъ въ камеры, и ясно и категорично перечислялъ всѣ правила жизни, что можно и чего нельзя. А теперь сидѣли почтенные люди, извѣстные въ городѣ, люди семейные и немолодые, съ положеніемъ, со связями . . . Съ ними — какъ? . . Священникъ, напримѣръ, съ наґруднымъ крестомъ? . . Или генералъ? Присяжный повѣренный, женатый на дочери бывшаго вице-губернатора . . . Ужъ теперь этотъ вице-губернаторъ-то не губернаторомъ-ли гдѣ-нибудь? . .

И старикъ потерялъ тонъ въ обращеніи съ политическими преступниками: одного называлъ „господиномъ", другого — „милостивымъ государемъ", третьяго — по имени и отчеству . . . съ нѣкоторыми приходилось здороваться за руку . . .

— Ужъ какъ мнѣ сегодня было неловко — жаловался смотритель женѣ.

— А что-же?

— Да какъ-же! . . Ночью привезли политическаго . . . Примите арестанта! Смотрю, — Иванъ Васильичъ! Расписываюсь, а руки трясутся . . . Мнѣ неловко, и Ивану Васильичу, должно быть, совѣстно . . . Такъ-бы сквозь землю провалился! . .

Въ особенно затруднительное положеніе ставили смотрителя генералъ и батюшка . . .

— Въ пятомъ номерѣ — у меня дѣйствительный статскій совѣтникъ! — съ гордостью говорилъ онъ женѣ.

— Можетъ, не настоящій? . .

— Видно вѣдь: и походка и разговоръ . . . Хотя и въ отставкѣ, а всетаки . . . какъ бы тамъ ни было, а генералъ! . .

— Что ужъ это! И генераловъ начали сажать! . .

Генерала смотритель старался избѣгать: конфузился онъ передъ генераломъ и чувствовалъ себя въ чемъ-то виноватымъ. — Но вмѣстѣ съ тѣмъ камера № 5 тянула его къ себѣ и трудно было пройти мимо этой камеры и не заглянуть въ дверную форточку на генерала . . . И когда онъ смотрѣлъ такимъ образомъ на генерала, то на душѣ у него дѣлалось грустно и думалось: „все суета суетъ“ . . . Однажды генералъ потребовалъ къ себѣ смотрителя. Смотритель попросилъ сходить помощника.

— Никакихъ помощниковъ! Мнѣ нуженъ самъ смотритель! — настаивалъ генералъ.

Пришлось идти самому. Старикъ поправилъ темлякъ шашки, покрутилъ усы и пошелъ.

— Мнѣ необходимо получить пенсію . . . за три мѣсяца . . . — строго заявилъ генералъ.

— Придется выдать довѣренность . . .

— Кому это? Не вамъ-ли? . . Хм! . . Вы-бы лучше смотрѣли за этимъ . . . домомъ: сырость, вонь, клопы, безобразіе! . .

Смотритель опустилъ глаза и виновато пожалъ плечами:

— Я нѣсколько разъ докладывалъ тюремному комитету . . . Не угодно-ли вашему превосходительству перейти въ другой . . . номеръ? Но тогда придется сидѣть . . . т. е. жить вдвоемъ . . .

— Съ кѣмъ?

Смотритель началъ вполголоса совѣщаться съ надзирателемъ:

— Кто у насъ въ шестомъ номерѣ?

— Тамъ? . . Тамъ этотъ . . . парикмахеръ тамъ, ваше благородіе . . .

— Не желаю! — громко заявилъ генералъ. — Недоставало еще, чтобы вы меня посадили съ кухаркой!

— Я никого не сажаю, ваше превосходительство . . . Я исполняю . . .

— Прекрасно! Я васъ не задерживаю! . .

Смотритель пожалъ плечами, поклонился и вышелъ съ такимъ ощущеніемъ, словно побывалъ не у политическаго арестанта, а у своего начальства, отъ котораго получилъ непріятный выговоръ . . .

— Всѣ на меня! . . Я нѣсколько разъ докладывалъ . . . Я исполняю свою обязанность, а кто сидитъ, — это не мое дѣло — успокаивалъ себя смотритель, обходя арестованныхъ и выслушивая ихъ неудовольствія. Посѣтивъ преступнаго батюшку, онъ растерялся не меньше, чѣмъ передъ генераломъ: сдѣлалъ руки горсточкой, батюшка благословилъ его, и пришлось поцѣловать руку политическаго преступника.

— И вы не имѣете-ли, ваше благословеніе, какихъ-нибудь претензій? — кротко спросилъ смотритель, глядя въ землю.

— Не къ властямъ предержащимъ, во грѣсѣ, во срамѣ и въ крови утопающимъ, а токмо ко Господу Богу всѣ мои хвалы, моленія и жалобы! — твердо отвѣтилъ батюшка.

— Я никого не сажаю, ваше благословеніе, я только . . .

— Такъ сказано въ Св. Евангеліи: блаженни алчущіе и жаждущіе правды, яко тіи насытятся!

Смотритель вздохнулъ и на цыпочкахъ вышелъ отъ батюшки . . .

Нѣкоторое время можно еще было комбинировать арестованныхъ по положенію въ обществѣ, но скоро пришлось отказаться отъ этого: однихъ куда-то увозили, другихъ привозили, и скоро въ большинствѣ камеръ одиночество смѣнилось товариществомъ въ самыхъ причудливыхъ комбинаціяхъ: солдатъ очутился съ батюшкой, парикмахеръ съ редакторомъ газеты . . .

— Положительно некуда! — съ отчаяніемъ говорилъ кому-то смотритель въ телефонъ.

— Неужели еще привезутъ? — спрашивалъ помощникъ, желая выказать сочувствіе своему начальнику.

— Пять политическихъ мужиковъ! . . Куда я ихъ дѣну?! Еще пять! . . Мужиковъ!

Долго совѣщались, какъ быть съ политическими мужиками:

— Что-же я, съ генералами, что-ли, буду ихъ сводить? — сердился смотритель.

Рѣшили разсортировать политическихъ мужиковъ со студентами, рабочими и почтовыми чиновниками.

* * *

Генералъ считалъ свое пребываніе въ тюрьмѣ случайнымъ недоразумѣніемъ и ждалъ, что, если не сегодня, то завтра передъ нимъ извинятся.

— На какомъ основаніи я помѣщенъ въ этомъ домѣ? — угрожающе спрашивалъ онъ смотрителя въ первый день заключенія.

— По параграфу 21-ому . . . больше ничего не могу сказать . . .

— Законъ, а не параграфъ! Я спрашиваю, по какой статьѣ и какого именно закона?

— На основаніи параграфа 21-го охраны . . . больше ничего не могу сказать.

— А что тамъ, въ этомъ . . . вашемъ параграфѣ?

Оказалось, что по этому параграфу сажаютъ въ тюрьму такихъ людей, пребываніе которыхъ на свободѣ считаютъ угрожающимъ для государственнаго и общественнаго порядка . . . Недоразумѣніе было очевиднымъ, однако прошелъ день и другой, а никто не извинялся. Генералъ потребовалъ листъ бумаги и написалъ громадную жалобу прокурору. Горечь и безсильная досада мѣшали писать въ почтительныхъ тонахъ и дерзость

возмущенной души вылилась на бумагу въ сильномъ пафосѣ при всей тактичности дѣйствительнаго статскаго совѣтника. На четвертый день генералу принесли подписать бумагу: въ этой бумагѣ ему объявлялось, что жалоба оставлена безъ послѣдствій, а противъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Анатолія Иванова Котикова возбуждено дѣло по обвиненію его въ оскорбленіи должностныхъ лицъ въ дѣловой бумагѣ . . .

Пожилой, привыкшій къ услугамъ, удобствамъ, къ чистому бѣлью, къ утреннему кофе со сливками и къ тихой послѣобѣденной прогулкѣ по бульварамъ, Анатолій Ивановичъ невыносимо страдалъ отъ лишеній. Полутемная сыроватая камера съ рѣшеткой въ окнѣ, изъ котораго былъ унылый видъ на глухую стѣну, скверный запахъ изъ угла, гдѣ стояла парашка, жестяная лампочка всегда мокрая отъ керосина, постель съ жидкимъ пролежаннымъ тюфякомъ и слѣдами раздавленныхъ клоповъ приводили брезгливаго и чуткаго въ смыслѣ обонянія Анатолія Ивановича въ отчаяніе: Анатолій Ивановичъ и такъ имѣлъ капризный аппетитъ, а тутъ совершенно потерялъ его . . . Не ѣлъ, не спалъ и всю ночь напролетъ ходилъ изъ угла въ уголъ, бормоталъ что-то, пожималъ плечами, останавливался посреди камеры и, заложивъ руки за спину, по долгу смотрѣлъ то на окно съ желѣзной рѣшеткой, то на парашку.

— Хм! — произносилъ онъ и пожималъ плечами.

Вызвавъ къ дверной форточкѣ дежурнаго надзирателя, Анатолій Иванычъ начиналъ разговоръ:

— Послушай, братецъ! Что-же, долго еще меня будутъ держать?

— Не могу знать.

— Я требую мой собственный сакъ-вояжъ: тамъ у меня одеколонъ и бритва . . .

— У насъ нельзя этого: хорошо еще, что вамъ ножикъ съ вилкой дозволили . . . А бритву развѣ можно?

— Что-же я разбойникъ, что-ли? Зарѣжу кого-нибудь?

— Зачѣмъ! . . Себя можете . . . А отвѣчать намъ придется . . .

— Что-же я, мальчишка какой-нибудь? . .

— Не дозволено . . .

— Въ такомъ случаѣ у васъ . . . тутъ парикмахеръ какой-то . . . Мнѣ необходимо побриться: я вовсе не желаю дѣлаться Навуходоносоромъ . . .

— Вѣдь они, этотъ парикмахеръ — политическій, а не то, чтобы для бритья и стрижки . . . Для этого у насъ есть уголовный . . . Только вѣдь вамъ пожалуй не подойдетъ: онъ, ежели — наголо кого, или подъ-польку . . . Это которые — въ каторгу — тѣ наголо, а напримѣръ почтовые чиновники, тѣ подъ-польку . . .

— Убирайся къ чорту! Наголо! . . Дуракъ!

На бѣду Анатолія Иваныча власти усумнились въ его личности: казалось совершенно невѣроятнымъ, чтобы дѣйствительный статскій совѣтникъ, хотя и въ отставкѣ, участвовалъ въ уличныхъ демонстраціяхъ съ краснымъ флагомъ и пѣлъ революціонныя пѣсни. Устанавливали личность по мѣсту постояннаго жительства Анатолія Ивановича, а жилъ онъ очень далеко да и сношенія были затруднены: желѣзныя дороги не ходили и почта съ телеграфомъ не дѣйствовали . . . Кромѣ этого, въ номерахъ „Пальмира“, изъ которыхъ былъ взятъ Анатолій Ивановичъ, въ одну съ нимъ ночь былъ арестованъ какой-то молодой человѣкъ съ предметомъ, который могъ служить предполагаемой оболочкою для бомбы . . . Изъ разспросовъ номерной прислуги было установлено, что Анатолій Иванычъ и молодой человѣкъ одновременно, хотя и на разныхъ извощикахъ, пріѣхали въ Пальмиру, и проживая здѣсь, тщательно избѣгали другъ друга, но иногда одновременно удалялись въ мужскую уборную, гдѣ, вѣроятно, и входили въ общеніе между собою . . .

Шли дни, прошла уже недѣля, а Анатолій Ивановичъ сидѣлъ и никто передъ нимъ не извинялся. Анатолій Ивановичъ писалъ жалобы разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, но толку никакого не получалось. Анатолій Ивановичъ ослабъ и похудѣлъ и у него возобновились перебои въ сердце . . . Каждый день его водили на прогулку, — и, походивъ полчаса въ безмолвномъ дворикѣ, со всѣхъ сторонъ окруженномъ высокими стѣнами, Анатолій Иванычъ возвращался съ дрожащими ногами и съ одышкой . . . Днемъ клопы спали и этимъ спѣшилъ воспользоваться Анатолій Ивановичъ: послѣ прогулки, онъ ложился подремать. Но со всѣхъ сторонъ постукивали въ стѣны, словно гдѣ-то работали телеграфные аппараты, и это мѣшало отдаться глубокому сну: едва погрузившись въ сладкую дрему, Анатолій Ивановичъ вскакивалъ съ постели, потому что ему чудилось, будто онъ лежитъ въ своемъ кабинетѣ и кто-то постукиваетъ къ нему въ дверь.

— Войдите! — разрѣшалъ Анатолій Ивановичъ, но никто не входилъ. Анатолій Ивановичъ недоумѣвающимъ взоромъ обводилъ свою камеру и, наталкиваясь на окно съ рѣшеткой и на парашку въ углу, приходилъ въ ясное сознаніе . . . и сонъ отлѣталъ. Раздосадованный, онъ вставалъ съ постели и, схвативъ мѣдную солоницу, сердито стучалъ въ стѣну, приказывая такимъ образомъ не безпокоить его. Но стуки продолжались. Среди арестованныхъ ходили смутные слухи, что въ пятой камерѣ сидитъ генералъ . . . Юные политическіе преступники въ номерахъ 4-мъ и 6-мъ догадывались, что сосѣдъ ихъ, конечно, не настоящій генералъ, а просто — нелегальный съ партійной кличкою „генерала“; сосѣди усиленно выстукивали: „кто сидитъ?“, но таинственный арестантъ отмалчивался, и это еще болѣе убѣждало ихъ, что рядомъ сидитъ человѣкъ серьезный, осторожный и значительный. „По какому дѣлу?“ — настойчиво выстукивали съ обѣихъ сторонъ, но отвѣта

не было. Сосѣдъ слѣва прекратилъ стукъ: „Чортъ его знаетъ — думалъ онъ — возможно, что подсадили шпіона“, но сосѣдъ справа, болѣе пылкій и довѣрчивый, продолжалъ стучать даже послѣ того, какъ получилъ наказаніе: лишился прогулки. Послѣ тщетныхъ попытокъ вызвать на разговоръ, настойчивый гимназистъ попробовалъ завязать съ сосѣдомъ переписку. Однажды, убирая камеру Анатолія Ивановича, уголовный арестантъ — „парашникъ“ бросилъ на постель свернутую въ трубочку бумажку и подмигнулъ Анатолію Ивановичу. Долго Анатолій Ивановичъ ломалъ голову, что бы могло означать это подмигиваніе и догадался только тогда, когда случайно нашелъ на своей постели записку. Развернувъ бумажку изъ-подъ чая, Анатолій Ивановичъ прочиталъ: „Товарищъ! завтра, когда меня поведутъ на прогулку, кашляйте: если вы „с. р.“ — одинъ разъ, если „с. д.“ — два раза“.

— Хм! Ничего не понимаю — прошепталъ Анатолій Ивановичъ и сдѣлалъ предположеніе, что, вѣроятно, они подсадили шпіона и желаютъ выпытать что-то . . . Это весьма возможно: посадили въ тюрьму по ошибкѣ, видятъ, что ихъ положеніе весьма неудобное, ну вотъ и стараются выпытать что-нибудь противоуправительственное . . . Напрасно! Онъ не мальчишка . . .

Ночью поминутно щелкала дверная форточка и въ отверстіи за стекломъ шевелился чей-то глазъ. Это дѣйствовало на нервы Анатолія Ивановича и вызывало сердцебіеніе.

— Ну что ты, братецъ, смотришь? Это, наконецъ, неделикатно! . .

— Приказано наблюдать.

— Что-же тутъ интереснаго? И что я могу тутъ дѣлать . . . предосудительнаго?

— Въ третьемъ году изъ этой самой камеры убѣжалъ одинъ . . .

— Что-же я, братецъ мой, фокусникъ какой-нибудь? Факиръ? — говорилъ Анатолій Ивановичъ, озирая свою клѣтку, и пожималъ плечами.

* * *

Каждый день во время вечерней прогулки, когда смотритель со стражей обходилъ тюрьму и самолично заглядывалъ въ дверныя дырочки, чтобы убѣдиться въ цѣлости арестованныхъ, Анатолій Ивановичъ останавливалъ обходъ:

— Ну, разъясняется-ли мое положеніе?

— Извините: ничего не могу сказать.

— У меня сердцебіеніе и опять катарръ желудка!..

— Можно пригласить доктора . . .

— Къ чорту вашихъ докторовъ! У меня есть свой докторъ . . . Тутъ издохнешь и никому дѣла нѣтъ . . . Мнѣ необходимъ чистый воздухъ, а тутъ чортъ знаетъ что . . .

Анатолій Ивановичъ терялъ самообладаніе и начиналъ топать ногами. Тогда форточка въ двери защелкивалась и некому было слушать угрозы и требованія Анатолія Ивановича. Онъ тяжело дышалъ, хватался за сердце, валился въ постель и начиналъ потихоньку плакать. Сосѣди прислушивались къ крику, топанью ногами, а потомъ къ слезамъ въ камерѣ № 5-й. Сосѣдъ слѣва думалъ: „Очевидно это — не шпіонъ, шпіонъ не будетъ кричать на смотрителя и плакать . . . Съ другой стороны, серьезный партійный человѣкъ не заплачетъ . . . Вѣроятно, кадетъ какой-нибудь попалъ и распустилъ слюни“; юный преступникъ, сосѣдъ справа, дѣлалъ самыя мрачныя предположенія: „Несомнѣнно одно изъ двухъ: либо здѣсь пытаютъ, либо объявили смертный приговоръ . . .“ И сосѣдъ въ 6-мъ № начиналъ кричать: „Товарищъ! Что съ вами?“, боталъ въ свою дверь и пѣлъ: „Мы жертвою пали . . .“ И въ тюрьмѣ под-

нимался шумъ: крикъ, стукъ и пѣніе . . . Анатолій Ивановичъ пугался этого шума: „ужъ не пожаръ-ли?“ — думалъ онъ и тоже начиналъ стучать въ дверь, требуя немедленно открыть камеру . . .

— Палачи! — кричалъ сосѣдъ въ 6-мъ номерѣ.

— Господа! Все благополучно! Все хорошо! Ничего не случилось! Всѣ въ добромъ здравіи . . . Убѣдительно прошу успоиться! — умолялъ смотритель и съ громаднымъ усиліемъ ему удавалось успокоить вышедшую изъ молчаливаго равновѣсія тюрьму.

Однажды утромъ надзиратель отперъ дверь камеры и пригласилъ Анатолія Ивановича слѣдовать за нимъ въ контору тюрьмы. „Вѣроятно, разъяснилось“ — подумалъ онъ и глубоко и облегченно вздохнулъ. Въ сопровожденіи двухъ надзирателей онъ шагалъ по коридору гордой походкой и со стороны можно было подумать, что идетъ не арестантъ подъ конвоемъ, а начальникъ съ двумя непосредственно ему подчиненными . . . Воспрянулъ духъ и вспыхнулъ приливъ бодрости, только одышка сдѣлалась еще сильнѣе отъ радости и ожиданія. Въ груди Анатолія Ивановича трепетала, впрочемъ, не одна радость: тамъ копошилась жажда мщенія: „какъ только онъ выйдетъ на волю, такъ сейчасъ-же махнетъ въ Петербургъ . . . Онъ не оставитъ этого дѣла . . . Пусть знаютъ, что не всякія ошибки прощаются . . .“

— Сюда? — строго спрашивалъ Анатолій Ивановичъ, когда по пути перекрещивались два корридора, и сопровождалъ свой вопросъ небрежнымъ жестомъ руки.

— Такъ точно! . .

— Катакомбы какія-то . . .

Анатолія Ивановича привели въ сосѣднюю съ конторой комнату и предложили обождать. Онъ подошелъ къ окну, но приблизился надзиратель и заискивающимъ шепотомъ попросилъ отойти и сѣсть къ столу. Надзиратель сдѣлалъ это изъ предосторожности, потому что

„всетаки — окно, кто за нихъ поручится?“, а Анатолій Иванычъ принялъ это за придирку и разсердился:

— Прошу безъ замѣчаній! . .

Столъ былъ покрытъ толстой промокательной бумагой, на которой оттиснулись шиворотъ-на-выворотъ разныя чернильныя слова. Анатолій Ивановичъ сѣлъ на одинъ изъ трехъ стульевъ и началъ отъ нечего дѣлать разбирать эти чернильныя іероглифы. Тикали гдѣ-то часы, доносились голоса разговаривающихъ вполголоса людей и звонъ шпоръ. Время тянулось томительно и все хотѣлось потягиваться и позѣвывать, но Анатолій Ивановичъ сдерживался, потому что какъ-то не шло это къ положенію дѣйствительнаго статскаго совѣтника, передъ которымъ сейчасъ будутъ извиняться. Въ полуоткрытую дверь изъ конторы заглядывали и пристально смотрѣли на Антолія Ивановича два какихъ-то господина: одинъ высокій, рыжеватый, а другой — низенькій блондинъ въ дымчатыхъ очкахъ. Анатолій Ивановичъ вспомнилъ, что онъ въ ночной рубашкѣ и въ домашней курточкѣ . . . Теперь слѣдовало-бы быть въ сюртукѣ и держаться съ ними похолоднѣе, а онъ — по домашнему . . . Это досадно. Онъ поправлялъ воротникъ смятой рубашки, застегивалъ курточку, и опять его преслѣдовали скверные запахи: ему казалось, что отъ его одежды пахнетъ и керосиномъ и парашкой . . .

Звякнули шпоры и въ комнату вошли: жандармскій офицеръ, высокій рыжеватый господинъ и два усатыхъ унтеръ-офицера съ нашивками на рукавахъ. Анатолій Ивановичъ сдѣлалъ оффиціальное лицо, привсталъ и сухо поклонился . . . Офицеръ отвѣтилъ на поклонъ и предложилъ садиться къ столу . . .

— Благодарю васъ — сухо сказалъ Анатолій Ивановичъ и зашумѣлъ стуломъ.

Офицеръ вынулъ изъ портфеля бумагу, исписанную и чистую, взялъ въ руки карандашъ и сказалъ:

— Вы называете себя Котиковымъ?

— То есть какъ это „называю“? . .

— Ну . . . а . . . однимъ словомъ, кто вы такой? . .

— Я ношу присвоенное мнѣ при рожденіи имя и фамилію: Анатолій Ивановичъ Котиковъ . . . дѣйствительный статскій совѣтникъ . . .

— Дѣйствительный статскій совѣтникъ . . . медленно повторилъ, глядя въ бумагу, офицеръ и, вскинувъ на Анатолія Ивановича странный взглядъ, съ чуть-чуть скользнувшей по лицу улыбкой, спросилъ, не помнитъ-ли Анатолій Ивановичъ, когда именно онъ сдѣлался дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ . . . Вопросъ былъ сдѣланъ такимъ тономъ, въ которомъ слышалось недовѣріе.

— Что-же вы, кажется, изволите сомнѣваться, что я — дѣйствительно — дѣйствительный статскій совѣтникъ?

— Нисколько . . . Отчего-же? . . Конечно, очень рѣдки случаи, когда дѣйствительные статскіе совѣтники ходятъ съ красными флагами, но . . . возможно . . . Не смѣю оспаривать.

Наступило тяжелое молчаніе. Офицеръ читалъ и пересматривалъ бумаги; рыжеватый господинъ скользилъ равнодушнымъ взоромъ по потолку, по стѣнамъ, по шкафамъ, мимолетомъ взглянулъ на Анатолія Ивановича и вздохнулъ. Анатолій Ивановичъ поймалъ этотъ взглядъ и вздохъ и принялъ ихъ за сочувствіе со стороны рыжеватаго господина.

— Только въ Россіи возможны подобныя безобразія! — вполголоса отвѣтилъ онъ на сочувственный взглядъ, а жандармскій офицеръ улыбнулся и, не отрываясь отъ бумагъ, замѣтилъ:

— Это вы относительно поведенія дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ? . . Вѣрно-съ . . . Даже и при конституціи это какъ-то странно . . . Не идетъ какъ-то . . . Скажите, генералъ! . . Вы остановились въ меблированныхъ комнатахъ „Пальмира“? . . Одинъ вы

пріѣхали туда или съ кѣмъ нибудь, хотя-бы и на двухъ разныхъ извощикахъ? . .

И опять тонъ, которымъ было произнесено слово „генералъ", оскорбилъ Анатолія Ивановича. Началось сердцебіеніе и одышка, и пропала способность вести себя тактично:

— Вотъ что съ! — Анатолій Ивановичъ всталъ, унтеръ-офицеры встрепенулись и подвинулись ближе къ Анатолію Ивановичу. — Вотъ что-съ! Если вамъ не нравится, что я — генералъ, то сдѣлайте одолженіе — зовите меня по имени или по фамиліи, но издѣваться надъ . . .

— Успокойтесь . . . Присядьте! . . Я вовсе не желалъ и не думалъ, что оскорблю васъ, называя генераломъ . . .

— Да я и не позволю! — съ хрипотой въ голосѣ перебилъ Анатолій Ивановичъ.

— Прошу не возвышать голюса . . .

Анатолій Ивановичъ сѣлъ и началъ тяжело дышать.

— Стратоновъ! Подай имъ стаканъ воды! . .

Въ конторѣ притихли: слушали и глядѣли въ щелочку . . . Анатолій Ивановичъ выпилъ воды, нѣсколько остылъ, но равновѣсіе духа не возвращалось уже къ нему болѣе . . .

— А-а . . . г. Котиковъ! Въ числѣ бумагъ въ вашемъ чемоданѣ найдено письмо, съ обращеніемъ къ . . . какой-то Софочкѣ . . . Письмо неокончено и писано вашей рукою . . .

— Будьте поосторожнѣе: не „къ какой-то", а къ человѣку, который . . . вообще я еще разъ прошу . . .

— Я указываю только на обращеніе письма: „неизмѣнная Софочка" . . . Въ этомъ письмѣ вы, между прочимъ, пишите: „Богъ знаетъ, когда мы увидимся. И нѣтъ ничего невозможнаго, что и никогда не увидимся." Не пожелаете-ли объяснить, кто эта — Софочка и что вы разумѣли вотъ въ этихъ подчеркнутыхъ словахъ:

„нѣтъ ничего невозможнаго, что и никогда не увидимся? . .“ Почему не увидетесь? . . Что-же, вы ѣхали на какую-нибудь опасность, что-ли?

— Никакихъ объясненій не дамъ . . . и не желаю . . . Копаться въ моей душѣ я никому . . .

— Ваше дѣло . . . Напишемъ, что отъ всякихъ объясненій вы отказываетесь.

— Пишете-съ! . .

— Стратоновъ!

— Здѣсь ваше высокоблагородіе!

— Введите господина изъ башни № 4-й! . .

Стратоновъ вышелъ на цыпочкахъ, мягко позванивая шпорами, и скоро въ комнату вошелъ молодой человѣкъ съ грустнымъ, немного ироническимъ лицомъ, съ мягкою шляпою въ лѣвой рукѣ. Два жандарма съ обнаженными шашками провели его вокругъ стола и, поставивъ къ свѣту лицомъ, какъ разъ напротивъ Анатолія Ивановича, замерли, какъ собаки на стойкѣ.

— Г. Бересневъ! Не знакомъ-ли вамъ вотъ этотъ человѣкъ? — громко спросилъ офицеръ, облокачиваясь на руку.

— Не знаю! . . глухо отвѣтилъ молодой человѣкъ, играя мягкой шляпой.

— Не встрѣчали?

— Не знаю! — повторилъ тотъ уже сердито . . .

— Ну, а вы, г. Котиковъ?

Къ удивленію Анатолія Ивановича это пріятное и грустное лицо молодого человѣка показалось ему удивительно знакомымъ. Гдѣ-то и когда-то Анатолій Ивановичъ видѣлъ это лицо, положительно видѣлъ . . . Но гдѣ и когда? . .

— Ну-съ г. Котиковъ! . . Посмотрите внимательнѣе! Не стѣсняйтесь пожалуйста! . . Быть можетъ, вспомните . . .

— Что-то такое . . . какъ будто-бы . . . но сказать положительно не могу . . .

— Такъ что возможность знакомства вы не отрицаете? . .

— Что-то такое . . . Но во всякомъ случаѣ мы — незнакомы . . .

— Что-то, какъ будто знакомы и во всякомъ случаѣ незнакомы? . .

— Я, г. офицеръ, никогда не лгалъ! . . Я считаю оскорбительнымъ вашъ тонъ . . . Я еще разъ предупреждаю васъ . . .

— Стратоновъ! Дай воды! . . Уведите г. Береснева въ башню! . .

Широко размахивая мягкой шляпой и какъ-то раскачиваясь, молодой человѣкъ съ иронической улыбкой на лицѣ прошелъ мимо Анатолія Ивановича и подъ звонъ шпоръ и лязгъ оружія сопровождающихъ жандармовъ скрылся за дверями. Офицеръ пристально смотрѣлъ въ лицо Анатолія Ивановича и тому сдѣлалось неловко; онъ перевелъ свой взглядъ въ сторону и встрѣтился съ устремленнымъ на него-же взглядомъ рыжеватаго господина . . . „Положительно нахальство“ — подумалъ Анатолій Ивановичъ и началъ играть часовой цѣпочкой . . .

— Г. Котиковъ! Вы, конечно, не будете отрицать, что вотъ этотъ первый листъ газеты „Ураганъ“ № 32-ой найденъ въ вашемъ номерѣ, въ меблированныхъ комнатахъ „Пальмира“?

— Не отрицаю . . . И нѣтъ никакой надобности . . .

— Тогда не съумѣете-ли вы объяснить, какимъ образомъ второй листъ той-же самой газеты, отъ того-же года и числа и того-же самаго номера, оказался у лица, которое только что вамъ предъявлялось? . . Скажите, вы не знаете, что было завернуто въ эту вторую половину 32-го номера газеты „Ураганъ“? . .

— Я ничего не знаю и никакихъ объясненій давать . . . не желаю . . . Это какое-то издѣвательство . . Это . . .

— Странно, странно . . . Разорвана газета на двѣ части: одна половина въ вашемъ номерѣ, а въ другую завернута оболочка бомбы! . .

— Что такое? . . Какая бомба? . .

— Обыкновенная! . . . Самая обыкновенная . . . Только плохо ихъ стали дѣлать: большей частью не разрываются . . . съ равнодушнымъ спокойствіемъ говорилъ офицеръ и писалъ что-то . . .

Когда Анатолій Ивановичъ понялъ весь ужасъ того недоразумѣнія, въ которомъ онъ тонулъ все больше и больше, когда дѣло дошло до бомбы, — въ головѣ у него закружилось, потемнѣло въ глазахъ и пріятная истома стала расползаться по всему тѣлу . . . Хотѣлось смѣяться . . . Щекотало въ сердцѣ . . . И казалось, что покачиваешься на лодкѣ и плывешь куда-то по чудному озеру, по голубому озеру, съ бездоннымъ синимъ небомъ . . . вмѣстѣ съ Софочкой . . . съ молоденькой, задорной Софочкой . . .

— Дайте воды! . . Живо! Стратоновъ! Спрысни! . .

Когда Анатолій Ивановичъ очнулся, не было ни голубого озера, ни лодки, ни Софочки . . . Лицо у Анатолія Ивановича было мокрое и курточка была мокрая . . . Нѣсколько капель воды дрожали у Анатолія Ивановича въ бородѣ. И онъ не могъ понять, что случилось . . .

Офицера не было. Въ комнатѣ съ полотенцемъ на рукѣ стоялъ смотритель, а у дверей надзиратель и жандармъ . . .

— Потрудитесь обтереться! — начальственно и строго сказалъ смотритель.

Теперь уже смотритель не вѣрилъ, что Анатолій Ивановичъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и нашелъ соотвѣтствующій тонъ въ обращеніи съ этимъ господиномъ.

— Г. Котиковъ! Оправьтесь и сядьте вотъ на этотъ стулъ. Вотъ гребенка, — причешитесь!

Московскаго губер
БИБЛІОТЕКА

Машинально Анатолій Ивановичъ принялъ изъ рукъ смотрителя грубое сѣрое полотенце и гребешокъ, отеръ лицо, причесался и какимъ-то кроткимъ, послушнымъ голосомъ слабо спросилъ:

— Что вы говорите? Сѣсть? Куда? . .

— Сюда, на стулъ! — холодно и строго отвѣтилъ смотритель.

— Сяду . . . Ужасное сердцебіеніе . . .

Вошелъ изъ конторы какой-то человѣкъ съ желтымъ ящикомъ и сталъ что-то дѣлать, расположившись у подоконника . . . Появился треножникъ, черное покрывало . . . „Что онъ тамъ дѣлаетъ? — думалъ Анатолій Ивановичъ и слабо ухмылялся. — И что это за человѣкъ?“ А потомъ ему сдѣлалось опять нехорошо и было все равно . . .

Человѣкъ поставилъ желтый ящикъ на высокій треножникъ, покрылся чернымъ покрываломъ и сталъ топтаться ногами . . .

— Шевелятся и дрожатъ . . . Они очень ужъ дышутъ . . . съ выдержкой невозможно . . .

— Потрудитесь, г. Котиковъ, посидѣть смирнѣе! . . Нельзя-ли дышать послабже?! . .

— Дышать? Хм . . . вотъ еще! . . Кому какое дѣло . . . Это странно . . . Очень странно . . .

Смотритель началъ шептаться съ фотографомъ:

— Одинъ — амфасъ, одинъ — въ профиль, одинъ — въ три четверти!

— Придется моментально . . . съ магніемъ! . .

Появился откуда то мальчишка и сталъ суетиться около подоконника.

— Смотрите, господинъ, въ аппаратъ! Сюда! А вы, господинъ, не хмуртесь! . .

— Хорошо . . . извольте . . .

Фотографъ схватился за гутаперчевый шаръ, поднялъ руку и вдругъ раздался шумъ, похожій на выстрѣлъ, и все окружающее исчезло въ невыносимо яркомъ свѣтѣ,

словно солнце вдругъ упало съ неба и застряло въ комнатѣ . . .

— Теперь потрудитесь повернуть голову вправо! Господинъ! Господинъ!

Фотографъ подошелъ къ Анатолію Ивановичу и бережно взялъ его за щеки, чтобы повернуть голову вправо. Но голова опустилась . . .

Анатолій Ивановичъ умеръ . . .

* * *

Въ эту ночь въ тюрьмѣ было неспокойно: до самаго разсвѣта пѣли похоронный маршъ, а утромъ туда двинулась рота солдатъ въ полной боевой готовности.